

АНАЛИЗ

Происхождение революционных партий

Борис Кагарлицкий

Изучая историю революций прошлого, марксистский историк неизменно останавливал внимание на изучении объективных и субъективных предпосылок свершившегося переворота. И если в качестве объективных предпосылок «принимались» и уровень экономического развития, и специфика социальных структур, и противоречия интересов между классами и социальными группами общества, то важнейшей субъективной предпосылкой неизменно выступало наличие революционной партии.

Исходя из той же логики, строили свою политическую стратегию левые организации. Опыт 1917 года оставался принципиальным образцом, независимо от того, как оценивало то или иное течение итоги революции. Как бы критически ни относились, например, троцкисты к сталинской версии истории большевизма, в данном вопросе у них разногласий не было. Именно наличие большевистской партии как революционного авангарда сделало возможным Октябрьский переворот.

Напрашивавшийся отсюда вывод был прост и очевиден. Революци-

онная партия должна быть создана заранее, так сказать «заготовлена впрок», на случай революции. В нужный момент она займет свое место на сцене истории и выполнит свою миссию. Именно строительство революционной партии в нереволуционной обстановке было главной головной болью и главной заботой тысяч радикальных молодых людей, мечтавших внести свой вклад в дело преобразования мира.

Наиболее частым результатом подобных усилий оказывалось возникновение более или менее крупной секты, порой довольно успешно готовящей кадры для будущей борьбы, но куда менее успешно в общественной борьбе участвующей. Но можно ли построить революционную партию в эпоху реакции? История дает нам немало примеров того, как левым организациям удавалось успешно пережить периоды реакции, сохранить себя (хотя никогда это не давалось легко и без потерь). Но мы не знаем ни одного примера того, чтобы партию или движение в условиях реакции удалось построить. Больше того, необходимость «сохранения огня» диктует радикальным левым определенные пра-

вила поведения, закрепляющиеся в соответствующей коллективной психологии и навыках. Левые становятся политическими интровертами. Именно в этом, а не в идеологическом догматизме следует искать корень сектанства.

Чтобы сохранить революционный дух в атмосфере мещанского спокойствия, в условиях буржуазной повседневности и господства совершенно иных ценностей приходилось замыкаться от общества, отгораживаться от внешнего мира, и тем самым изначально обрекать себя на политическую неэффективность. Эта внешняя неэффективность левых была оборотной стороной успешного решения ими внутренних задач (самовоспроизводство, «поддержание огня»). Но чем лучше решались соответствующие «внутренние» задачи, тем меньше были способны сформированные соответствующим образом активисты и лидеры к решению новых, «внешних» задач, когда общественная ситуация менялась и эти задачи выходили на передний план.

И вот результат — там, где революционные события действительно начинали в конце концов происходить, марксистские секты либо не играли в них особой роли, либо оказывались на обочине, а порой даже выступали критиками революционного процесса, обвиняя его лидеров во всех смертных грехах, а саму революцию клеймя как неправильную и ненастоящую. Так было в Латинской Америке начала 2000-х годов. А революции 2011 года в Арабском Мире и вовсе вызвали в

рядах борцов за последовательную марксистскую программу смесь растерянности, страха и возмущения.

Впрочем, далеко не всегда усилия по строительству партии оказывались бесполезными. Во многих случаях возникали организации с радикальной программой, вполне дееспособные и влиятельные. Другой вопрос, насколько они соответствовали тому идеалу революционной партии, ради которого всё затевалось. И дело тут не только в официальной партийной доктрине. С точки зрения идейной доктрины, меньшевики были такими же революционерами и не менее последовательными социалистами, чем большевики. То же можно сказать и про русских социалреволюционеров, причем не только левых. Опыт Кубы в 1958-59 годах не менее показателен — официальная коммунистическая партия «прозевала» революционный переворот. Отдельные её члены приняли участие в борьбе Че Гевары и Фиделя Кастро, но партия как таковая оказалась в стороне от событий, так же, как и компартия Никарагуа оказалась «вне игры», когда началась сандинистская революция. Впрочем, нужно ли так углубляться в историю? В начале 2000-х годов итальянская Партия коммунистического возрождения (Rifondazione Comunista) выступала в качестве образца последовательной антикапиталистической силы, выводящей на улицы толпы молодых людей, распеваящих революционные песни. Однако стоило Rifondazione приблизиться к власти, как начались обычные беспринципные компро-

миссы, итогом которых была позорная поддержка неолиберальной политики, проводимой правительством Романо Проди. Результатом такого курса было крушение не только самой Rifondazione, но и всего левого фланга в Италии, тяжелая моральная травма для всех остальных левых в Европе.

Партийная доктрина говорит нам не о том, чем является организация на самом деле, но лишь о том, чем она хочет казаться, в том числе и в глазах собственных активистов и сторонников. Революционные партии, действительно сыгравшие свою роль в истории, отличались от своих провалившихся двойников не риторикой официальных документов, а повседневной практикой, не уровнем марксистской ортодоксии, а качеством марксистского анализа. Если говорить о практике, то принципиальное значение здесь имело именно наличие актива, не только постоянно занятого какой-то политической деятельностью, но и обладающего определенным совместным политическим опытом, коллективным сознанием, даже своего рода политической интуицией. Именно такая партия может быть демократической и сплоченной одновременно. Её члены и сторонники не ждут приказа сверху, не тратят время в бесконечных дискуссиях, а формируют свою политическую линию в процессе действия снизу, что не мешает им действовать солидарно, скоординировано, разрешая свои разногласия по ходу борьбы. В свою очередь революционное руководство – это не только опора на анализ, но и способность чувствовать

массы, даже предчувствовать развитие их настроений; это не только алгебра, но и вдохновение. Перед нами организация, где доверие к лидерам опирается на совместное переживание текущего политического момента, где авторитет теоретиков основывается на их увлеченности практической деятельностью.

Все эти качества вырабатываются не в ходе повседневной работы в буржуазных парламентах, но и не во время сектантских дебатов. И если, как показывает опыт прошлого, штудирование теоретических работ, изучение книг и привычка к анализу могут сформировать отдельных политических интеллектуалов, способных неожиданно (порой для самих себя) превратиться из теоретиков в практиков и лидеров, то актив таким образом сформироваться не может. Активистская культура формируется только непосредственной деятельностью, её, как и рабочую профессию, нельзя выучить по книгам.

Стремление построить революционную партию заранее, без и вне революционной практики опирается на дурно понятый опыт большевизма, перетолкование советскими начетчиками от «истории партии». Этот подход, превратившийся в общее место марксизма к концу 1930-х годов, поставил под сомнение уже Эрнесто Че Гевара, заметив, что субъективные предположки революции могут складываться в процессе самой революции. В данном случае Че, как ни странно, был недостаточно радикален. Не только могут, но и должны. И никаким иным

образом «сложиться», «развиться» и «созреть» не смогут.

Революционная партия является не предпосылкой, а продуктом революционного процесса. Вне его партия создана может быть, но — не революционная. И вполне естественно, что когда прекращается революционная практика, через некоторое время утрачивается партией и соответствующий «навык». Независимо от того, что написано на знаменах, какие традиции воплощены в идеологии и доктрине, организация эволюционирует, становясь в лучшем случае реформистской. В чем, кстати, нет никакой трагедии — реформистское закрепление результатов революции может быть вполне осознанной, исторически важной задачей (как новая экономическая политика Ленина была не только отступлением от «военного коммунизма», но и попыткой консолидировать его наиболее важные, позитивные и значимые, с точки зрения будущего социалистического развития, результаты).

Сколько бы революционеры ни говорили о подготовке к грядущей борьбе и необходимости общественного переворота, к моменту этого переворота они никогда не будут готовы и соответствующим образом «предварительно» организованы. К тому же переход масс от пассивности к активной борьбе происходит быстро, внезапно и, порой, неожиданно для самих масс. Постоянно ожидаемый и предсказываемый левыми идеологами, этот протест столь же постоянно откладывается, а чудеса терпения, демонстрируе-

мые народом, сводят на нет любые рациональные прогнозы социального действия, вплоть до момента, когда всё вдруг, сразу и резко меняется. Пассивность большинства составляет на «низовом уровне» сущность реакционной эпохи. Французский историк Луи Эригье писал, что после поражения Великой Революции, совершивший её народ «впал в летаргического сна»¹. Именно внезапность и быстроту перехода от пассивности к восстанию считает Эригье важнейшей характеристикой революции, которая есть «не что иное, как быстрое разряжение долго сдерживаемого гнева и возмущения против установившихся несправедливостей жизни; это есть открытое проявление скованного раньше негодования против тех притеснений, того гнета, который выносил народ целые столетия»².

Великая Французская революция началась без якобинцев (первоначальный Якобинский клуб имел мало общего с партией Сен-Жюста и Робеспьера), европейские революции 1848 года развернулись стихийно в условиях очевидной слабости республиканских движений, не говоря уже о пролетарских партиях, которых тогда вообще не было. Революции начала XXI века в Венесуэле и Боливии не были результатом партийной деятельности, а их политическая программа в большей степени формулировалась стихийными массовыми движениями (другой вопрос — хорошо это, или плохо).

¹ Л. Эригье. История Французской революции 1848 года и второй республики. СПб.,

1907. С. 5

² Там же. С. 3.

И наконец, сегодняшние Арабские Революции происходят в обществе, где не только нет влиятельных левых партий, но даже на уровне интеллектуальной дискуссии левые остаются на заднем плане. Это отнюдь не мешает рабочим бастовать, а жителям городских пригородов стихийно создавать некое подобие Советов. Исход революции зависит от того, сумеют ли сами активисты, осмысливая собственный опыт, двинуться в сторону политической организации, отстаивающей интересы масс (если не по Ленину, то хотя бы по Робеспьеру). И смогут ли сторонники левых идей, которых несмотря ни на что в Арабском Мире немало, организовать и найти свое место в водовороте событий.

Как же, однако, быть с опытом русского большевизма, который принято интерпретировать в качестве классического примера создания «субъективной предпосылки» для грядущей революции? Как ни странно, история России или Китая на этом фоне не только не является исключением, но, напротив, очень хорошо подтверждает общее правило. Большевизм, безусловно, был уже сложившимся течением в 1917 году, но сам он был порождением другой революции — 1905 года. Именно общественный подъем, начавшийся в России уже в 1903 году, превратил социал-демократические группы и кружки в реальную политическую силу, именно активисты, прошедшие школу Первой революции, создали костяк партии, придав ей сплоченность и устойчивость. Тем не менее в 1917 году «левая альтернатива» отнюдь не существо-

вала в России в «готовом виде». Вернее, в таком «готовом виде» она существовала в мозгу одного единственного человека — Ленина, может быть, ещё Троцкого с Луначарским. «Старые» партийные кадры настроены были крайне умеренно и с опаской принимали радикальные требования вернувшегося из эмиграции Ленина. Именно приход в партию массы новых членов и активистов переломил ситуацию, сделал Октябрь возможным не только технически, но и политически.

Таким же точно образом Коммунистическая партия Китая, пришедшая к власти в 1949 году, была не только плодом организационных усилий Мао и его окружения, но и продуктом длительного революционного процесса, который развивался в стране с 1911 года.

Какое отношение всё это может иметь к дебатам о перспективах создания левой партии в современной России? Какие отсюда следуют выводы, в том числе и практические?

Левым нет причин приходить в отчаяние из-за неудач предшествующих организационных попыток, но следует понять закономерность собственных неудач. Создание левой партии, независимой от капитала, — объективное условие успеха социальных преобразований. Но это отнюдь не то условие, без которого революция не может произойти, и тем более — начаться. На первых порах общественное движение неминуемо является рыхлым, его сознание — запутанным и противоречивым, а его программа — невнятной. Восставшая улица оказывает

ся «безъязыкой», не находя слов не только для того, чтобы выразить свои потребности, но и для того чтобы их хотя бы сформулировать для самой себя. Гнев и обида остаются единственно внятными эмоциями, которые, по крайней мере, удается ясно артикулировать. Но именно эта потребность выразить и сформулировать собственную мысль, осознать собственные интересы и найти правильные формы для их защиты, порождает объективный спрос на политическую партию.

«Политику в серьезном смысле слова могут делать только массы, — писал Ленин, — а масса беспартийная и не идущая за крепкой партией есть масса распыленная, бессознательная, не способная к выдержке и превращающаяся в игрушку ловких политиканов, которые являются всегда «вовремя» из господствующих классов для использования «подходящих случаев»³. Как выразился Александр Шубин, суммируя ленинскую мысль, от партии «исходит организованность, которая всё глубже проникает в тело стихии»⁴.

Однако пока нет массы, пока нет стихийного движения, нет и той политической почвы, площадки, на которой единственно только и может сформироваться последовательно социалистическая организация. А попытки создать её «заранее», без соответствующей практики и без взаимодействия с радикализирующимися массами напоминают зна-

менитый анекдот про сумасшедших, которые прыгают с вышки в бассейн, надеясь, что главный врач рано или поздно пустит туда воду.

Не удивительно, что на фоне организационных провалов наиболее успешной оказывается именно теоретическая и просветительская работа, ориентированная на распространение левых идей, поиск единомышленников и формирование «политических интеллектуалов», для которых интерес к теории неотделим от потребности в практике.

Из советских учебников по истории партии пришло странное, механистическое представление, согласно которому формирование левой партии обязательно должно пройти несколько неперенных стадий вроде создания «марксистских кружков». А затем начинается дискуссия о том, на какой стадии мы сейчас находимся, «кружковой» или «докружковой». И участникам полемики даже в голову не приходит, что появление марксистских кружков в России конца XIX века отражало как раз уникальные специфические условия того времени, являясь на тот момент единственно возможной формой пропаганды и установления контактов между единомышленниками. Эта же работа в начале XXI века может и должна делаться совершенно иными методами и в совершенно других формах, больше того, она давно уже делается и небезуспешно левыми интернет-проектами, журналами, дискуссионными клубами, независимыми институтами.

3 В.И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Т. 14. С. 125-126.

4 А. Шубин. Социализм. «Золотой век» теории. М.: НЛО, 2007. С. 714

Однако социал-демократическая партия возникла не из кружков, деятельность которых закончилась провалом первого съезда РСДРП, после чего Ленину с Мартовым практически всё пришлось начинать сначала. Мечты о создании организации превращались в реальность не по мере развития кружков, а по мере того, как поднималось массовое рабочее движение.

Сегодня на постсоветском пространстве экономический кризис создает условия для того, чтобы растущее разочарование в официальной политике и общественных порядках переросло в открытый протест и сопротивление. Вопрос в том, кто и как это движение возглавит, как будут развиваться события, куда, против кого будет направлен гнев масс.

Либералы выступают против кремлевской администрации, используя против власти массовое недовольство именно теми её мерами, которые проводятся в соответствии с либеральными рецептами, и требуют в качестве ответа на неудачи правительственного курса проведения ещё более радикальных и жестоких мер в том же духе. Ещё большей приватизации, ещё более быстрого перевода транспорта, здравоохранения и образования на коммерческие рельсы, ещё более активного демонтажа остатков социального государства. Если массы недовольны властью оттого, что она слишком буржуазная и её политика слишком рыночная, то всю программу либералов можно свести к слову: «Больше рынка, больше капи-

тализма!»

Единственное, в чем массовые настроения совпадают с позициями либеральной прессы, – это в осуждении коррупции. Однако и здесь либеральная позиция оказывается беспомощной и противоречивой. Отрицая рыночные корни современной коррупции, её связь с восторжествовавшим у нас механизмом накопления капитала, они не предлагают никаких мер системного характера, одновременно осуждая и репрессивно-расстрельную практику в духе китайских коммунистов. Иными словами, никакой программы борьбы с коррупцией у либералов нет, а их возмущение всеобщим воровством чиновников, следовательно, является чистой демагогией. Максимум, на что они способны, это предложить по возможности приватизировать государственные структуры и функции, чтобы то, что сейчас бюрократы воруют, завтра капиталисты клали себе в карман на законных основаниях.

В условиях глобального кризиса и прогрессирующего распада мирового рынка эта программа для страны гибельная, в самом прямом, буквальном смысле слова. Задача демократического преобразования нашего общества означает сегодня — как и сто лет назад — не требование блокироваться с либералами ради «общего дела» демократизации, а наоборот — решительного размежевания с либералами и борьбы против них, поскольку их экономическая и социальная программа не принимается подавляющим большинством народа, губительна

для него, а потому с демократией несовместима. Говоря словами Ленина, только организации трудящихся могут быть в наших условиях «последовательным борцом за демократизм»⁵.

Сегодняшняя общественная потребность формулируется и осознается миллионами людей как потребность во власти, ответственной перед народом. Не больше, но и не меньше. В этом недовольстве, порождающем невнятно сформулированные, но, в сущности, вполне понятные требования, нет ещё ни социалистической, ни даже последовательно демократической программы, а потому опасность манипулирования массами совершенно реальна. Борьба за общественное сознание и за доминирование в общественном мнении становится важнейшей политической задачей, которая должна скоординировано решаться на всех уровнях, от публикаций в прессе и выступлений на митингах, до переписки в социальных сетях и разговорах в курилке. Но любые наши усилия были бы напрасны, если бы мы не могли опереться на объективную тенденцию, на реальные интересы, которые толкают и будут толкать людей в сторону более радикальных требований, в сторону постепенного осознания социальных противоречий и собственных потребностей. И чем больше люди начинают действовать самостоятельно, тем быстрее и лучше идет это осознание. Манипуляция эффективна по отношению к пассивным, неопытным и деморализованным массам. Пре-

красными примерами того является ход «оранжевой революции» в Киеве или аналогичные события в Грузии и Киргизии. Но даже в случаях, когда манипуляции срабатывают, важнейшей проблемой победивших политиканов становится то, как убрать людей с улицы, вернуть к привычной мещанской жизни, прекратить мобилизацию, остановить движение. Там, где это не получается, «оранжевый» Февраль превращается в «красный» Октябрь.

Чем больше развивается массовое движение, чем больше оно добивается успехов, чем более набираются люди политического опыта, тем труднее ими манипулировать, и тем острее их потребность в рациональных ответах, соответствующих их объективному интересу. Борьба левых сегодня является в первую очередь борьбой идейной, борьбой за сознание, за формирование общественной повестки дня. Но эти усилия имеют самый непосредственный организационный смысл, они составляют то содержание, во круг которого будет проведена практическая объединительная работа.

Левая партия у нас возникнет как ядро более широкого движения и формироваться, развиваться, объединяться будет именно в рамках этого движения, в процессе его собственного становления. Это движение должно быть демократическим и антилиберальным, национальным (в смысле защиты и выражения объективных интересов большинства населения страны) и антинационалистическим (в смысле решительного отказа от любых форм

5 В.И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Т. 11. С. 49. 108

расизма и ксенофобии). На каждом этапе развития движения принципиально важно ставить новые задачи — не только в плане большего политического радикализма, но и в плане большей социальной определенности его целей и лозунгов. Мы начинаем с борьбы за ценности Прогресса против наступающей дикости и реакции. Но прогресс сегодня неотделим от демократии и социализма.

Левое движение может подниматься и развиваться только вместе с массами, одновременно поднимая уровень масс и развивая их самих.

Можно надеяться, что из «кокона» прогрессистского блока вылупится прекрасная бабочка нового социализма. Сможем ли мы осуществить этот проект — зависит от нас самих. Во всяком случае, в условиях системного кризиса этот проект становится вполне реальным. И самая страшная проблема для левых состоит в момент общественного подъема не в противодействии иных политических сил, а в привычке к бесполезным спорам, абстрактному теоретизированию и прочим «навыкам» эпохи реакции. Навыкам, от которых надо избавиться как можно скорее. Ведь эпоха реакции закончилась.